

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования
«Полоцкий государственный университет»

Романо-германская филология,
Контексты культуры
и литературные связи

Международный сборник научных статей

Новополоцк
2017

Редколлегия:

А.А. Гугнин – доктор филологических наук (отв. ред.);
 Д.А. Кондаков – кандидат филологических наук;
 Т.М. Гордеенок – кандидат филологических наук;
 Р.В. Гуревич – доктор филологических наук;
 Г.Н. Ермоленко – доктор филологических наук;
 Е.А. Зачевский – доктор филологических наук;
 З.И. Третьяк – кандидат филологических наук;
 Н.Б. Лысова – кандидат филологических наук;
 С.М. Лясевич – кандидат филологических наук;
 С.Ф. Мусиенко – доктор филологических наук;
 М.Д. Путрова – кандидат филологических наук;
 Л.Д. Синькова – доктор филологических наук;
 И.А. Чарота – доктор филологических наук.

Рецензенты:

кандидат филологических наук, профессор,
 заведующий кафедрой зарубежной литературы МГЛУ Ю.В. Стулов,
 кандидат филологических наук, доцент,
 заведующий кафедрой перевода БГУ Д.О. Половцев

Романо-германская филология. Контексты культуры и литературные связи : междунар. сб. науч. ст. / Полоцкий гос. ун-т ; редкол.: А.А. Гугнин (отв. ред.) [и др.] – Новополоцк, 2017. – 352 с.
 ISBN 978-985-531-572-9.

В настоящем международном научном сборнике, продолжающем предыдущие издания (2011 и 2013 гг.) кафедры мировой литературы и иностранных языков Полоцкого государственного университета, публикуются статьи по актуальным вопросам романо-германской и славянской филологии, методологии литературоведческих исследований, методике преподавания гуманитарных дисциплин. Особое внимание в данном сборнике уделено проблемам конкретно-исторического изучения литературных взаимосвязей, а также философским, социальным и литературоведческим аспектам изучения проблемы войны и мира.

УДК 82.0(082)
ББК 83.3(4)я43

Еще раз подчеркну: к чести авторов, они приложили все усилия, чтобы их исследование было избавлено от субъективизма и ангажированности, чтобы литература Германии предстала как многогранная, полистилевая, полижанровая художественная система, каковой она и была в рассматриваемый период.

Новый труд, несомненно, будет полезен ученым, преподавателям истории немецкой и мировой литературы, аспирантам и магистрантам, студентам-германистам, всем интересующимся судьбами немецкого искусства слова.

Е.А. Леонова, Белорусский государственный университет, Минск (Беларусь)

ЖИВАЯ ВЕТКА ИЛИ ИСКУССТВЕННАЯ ВЕТВЬ

«Полоцкая ветвь» – 2014: литературный альманах. – Минск: Литературный свет, 2014. – 286 с.

Вступительная статья к альманаху «Полоцкая ветвь» написана Александром Гугниным искренне, и вместе с тем как апологетика, т.е. оправдание тех, кто берётся за перо. Как говорится, «не можешь – не пиши», а если хочется? Ведь кругом такая родная земля, такие нетронутые воспоминания. Рядом – дорогие тебе люди, места. Как запомнить их? Как отблагодарить за то, что были? Разве что – поэтическими строками, запечатлёнными образами.

Наверное, вступление к сборнику автор писал, ориентируясь на собственное творчество. Его подборка, помещённая в книгу, напоминает лирический дневник. В ней помещены стихи юноши и пожилого человека. Лирический герой ненадолго изменился. С возрастом он по-прежнему радуется бытию, родным просторам, «черпает радость / В исканьях, бореньях, в страданиях бессмертной души». Лирический герой счастлив и пишет легко. Он – наблюдатель вечности в мгновениях жизни: старого и одновременно нового города, «старинного ветра» и «незримого сна» холмов, «синих высей» и «белых тучек», «вечно» пасущихся коров и «бедного, съжившегося сада». Когда-то он пустился в плаванье по волнам жизни, взяв с собой любовь и жажду жизни. И об этом он написал, когда ему было всего восемнадцать лет: «Упругий месяц жжёт свой керосин, / И звезды зажигают свечи... / И пары входят в густоту аллеи, / Как корабли в безбрежный океан...».

Самые искренние стихи сборника – про деревенские детство, домик, баньку, рыбалку, охоту. Именно здесь рождаются нетрафаретные, а свои, метафоры, сравнения, ассоциации: «щёки дует» «бродяга-ветер», поэт в баньке «душу паром отутюжил», «грибам поклоны отбивая» (стихотворения П. Магера), предаётся воспоминаниям о детстве: «Мама щипала горячие / По тарелкам с широкой каймой, / А за шкафом котят незрячие / Ждали кошку с охоты домой» («Непроданный дом» Т. Ковалевой).

Большинство авторов связаны с деревней, с провинциальной жизнью. Почти все они – непрофессионалы. Учителя, журналисты, инженеры, музейные работники и, как пишет составитель сборника, «работники по договору». Правда, есть и те, кто работал «литературным негром». Тексты сборника «Полоцкая ветвь» расположены по алфавиту, но их бы развести по сторонам поэтических пристрастий, или – по жизненным позициям, по отношению к людям и к себе. А то ведь алфавит в поэтическом сборнике может сыграть злую шутку: и покажется гримаса символа или знака. Кто тут на Б*? Оказалась, патриотка Бобруйска и большой поэт с «болячкой» в сердце. И оба, б*, не белорусы и не полочане. Бенедиктовой Веры «песня о счастье светла и легка». Её поэзия – это гимн Бобруйску, где прожила уже полвека. Это – песня о ветеране Кошкине и солдатском табачке, это бабушкины сказки и «вечные танцы» жизни. Какой сильный человек Вера Бенедиктова! Мировая бабка, верный товарищ и гражданин.

А вот Вадим Борисов – «больной» поэт и тоже боевой. В прямом и переносном смысле. В прямом – есть в подборке стихотворение о больном поэте и стихотворные строчки о солдатском привале – бивуаке. Болезненность в переносном смысле проявляется в том, что смешение языков, символики, времен и пространств в поэтических текстах делают его поэзию непонятной, или сумасшедшей. Его подборка начинается со стихотворения с названием «Вещи сны», в котором рядом с «вселенскими соснами» соседствует публицистический возглас о том, что «не было клёва гостю незваному (и бесноватому наци...)». А заканчивается подборка стихотворений простонародным «Ужо одарят / Бабки – На Руси: – На рубель грибок нажаришь – / Не уяси». И даже о любви у поэта получается как-то по-боевому и болезненно: какой-то «прищур сонета», «лес противостояний», когда «бортом» черпаешь «яви в круть» и, «извалившись» в снегу, идешь «тонуть» в грозу.

Какое странное название для поэтической странички – «Ларец от Авиценны». Значит – стихи предназначены для лечения? Как правильно заняли место после «больного поэта» стихи от руководителя поэтической странички «Медицинского вестника» Олега Бородача! Они – ещё больше. Тут после «пряди» «ложится» в стихотворной ряд «блядь»... Мне казалось, что рифма в стихотворении сродни сюжету, оказывается, нет – «рифма символ мыслящих агоний, / хрустнувший в нажиме карандаш».

Удивительно, но лирический герой понимает, что у него «кишка тонка» быть поэтом, а всё нажимает и нажимает на этот несчастный карандаш. И сам произносит причину такого упорства: «До нескольких тысяч на книжке – от нескольких тысяч стишат». Как прозаично! А говорил: «Упаси меня, мой ты враг – мой язык, от наряда прозы!».

Союзы бывают разные, и анализировать их работу не входит в задачи критика. Это – работа историков литературы. А авторы сборника, вероятно, замахнулись на то, чтобы их деятельность была записана в истории. Настолько подробно зафиксированы факты творческой биографии и союза («Галерея событий» занимает 65 страниц сборника), и каждого члена союза в отдельности. Правда, порой эти факты смущают и географией (Салтыкова Людмила – член СП (Союза писателей?) Северной Америки?), и правописанием (Станевич Павел печатался в «Аршанской газете» и в журнале «Акно»). Однако мы не будем углубляться в политическую (или издательскую) стратегию современных литературных союзов, а попытаемся проанализировать художественные достоинства (или недостатки) представленных произведений.

Прочитав подборку стихов Ворожцова Михаила, хочется напомнить авторам, что литература – это образительно-выразительное искусство. Словом можно изображать и выражать. С выражением своих чувств и мыслей у поэта сложно. Он глубоко закопался, впав «в археологию» своей рефлексии. Не мудрено, если «силится, жилится, тужится, хочет к тебе в кровать наша /Разлука поздняя, сороколетняя блядь». А вот изображать, или описывать увиденное и услышанное, у поэта получается замечательно. Автор образно описывает, изображает, зиму со слякотью, нелепыми праздниками, разлуку с близкими, исторические видения при виде «безъязыкового колокола».

Женская поэзия в сборнике представлена в избытке. И в частности, начинается книга с подборки стихотворений Раисы Антоневиц. На букву А* – она одна. Она действительно – одна, или представляет тему одиночества. Её подборка начинается стихотворением «Закат» и заканчивается стихотворением с таким же названием. Элегический настрой, а размер в большинстве стихотворений боевой – хорей. Стихи пожилой женщины о последних радостях жизни, связанных с природой, хороши. Простыми и удачными, кажутся мне, авторские поэтические сравнения, метафоры, эпитеты: «полоска леса вдалеке светлеет», «яркое утро» предвещает «праздник нового дня», сверкают «солнца золотые спицы», пахнет «скошенной травой», «дурманя мятой, сладкой резедой», липа удивляет «листвы резьбой» и «благоухает мёдом», «играет жемчугом, искрит река», а «у дома в гнёздах птичьих идёт кормление птенцов в ветвях берёз»). Одинокая (что выдают эпитеты – «последний луч заката», «одинокая звезда»), разувверившаяся в людях лирическая героиня («больше в «Содоме» я жить не могу, / Когда ложь – достояние моды», «Человек... себя возомнил господином», «Сумрак душ уж коготочки точит, / Стрелой бездушия моей душе грозит», «Друг к пропасти легонько подтолкнёт»). Поэтесса не обрела Веры, но ждет любимого или ангела, который «иногда порицает», «зовёт прогуляться», а самое главное вдохновляет на стихотворчество – «музой сияет».

Женская поэзия в варианте Екатерины Дабкене – это когда пишут о женской доле, пространство которой зажато между старенькой мамой и ими, мужчиной, работой, семьёй. Всё успеть, «растоптать, испугать, задержать, подорвать». И при этом всегда оставаться одной, наедине с поэзией, «не раздеваясь», «на полу дописывать строчку» своих раздумий о жизни, вернее, о «невозможности не быть», ведь мир так нуждается в тебе, женщина.

Женская тема стала одной из главных тем сборника. Поэтесса Тамара Кейта-Станкевич, на мой взгляд, является ярким представителем традиционной женской литературы, авторы которой пишут о проблемах женской судьбы. И прежде всего, о любви к мужчине. Несмотря на то, что эпиграфом для своей подборки стихов автор выбрала собственные строчки «Красота, как поэзия – ранит...» и постоянно пишет о самом процессе («Пока / Тот дерзкий лист не уничтожу...») творчества, главное тематическое поле её поэзии – любовь. Именно поле, так как поэтесса представляет любовные отношения как сражение: «Мы развязали / Бой», «За линией / Фронта / Нашей / Войны... / Не быть нам / Ни порознь, / Ни вместе!». Её поэзия становится дневником чувств. Автор называет историю своих чувств и исповедью, и проповедью, и шалостью, и осью жизни. По-моему, чувства её так неопределённые, что могут найти выражение в разной форме. Женская логика тесно связана с необходимостью в любом виде продолжать жить. Или в другом человеке, мужчине, ребёнке, или ... в стихотворении: «Чтобы только / Мне писалось, Думалось – / Срослось – / В стих».

Более естественным и убедительным, кажется мне, другой итог любви: «Из её заботливейших рук / На эту землю попадают дети». Эти строки из подборки под названием «Дочки-матери» Евгении Масленниковой. Стихи в подборке и о детях, и детские, когда маленькие лирические герои рассуждают о том, когда нельзя плакать, как стать «стулолазом» и почему «У свиный ребятки / Зовутся поросятки? / Не свинятки, не хрюшатки, / А почему-то поросятки!».

В большинстве текстов сборника провозглашается традиционные представления о предназначении женщины, закрепленные в культуре такими функциями женщины, как – любить, родить, заботиться

и т.д. Но есть один рассказ в книге («Как Вера ездила в Одессу» Светланы Клецко), в котором звучит призыв к активной жизненной позиции, самостоятельности. Будто извиняясь, писательница говорит о том, что после пятидесяти в судьбе женщины наступает переворот, и возникает возможность самостоятельного времяпрепровождения. Тут же у читателя-критика возникает вопрос о спутнике одиноко путешествующей героини. Дети живут «на своих хлебах», а – муж? Тоже жуёт «свой хлеб»? Тогда тут не до оптимизма. Автор рассказа, вероятно, понимает шаткость оптимистичной позиции героини, поэтому начинает повествование иронической фразой: «Две блондинки сидели напротив друг друга. Разделяла их пропасть лет. Но сближало романтическое настроение». Так и хочется продолжить повествователя – а третья «блондинка» написала рассказ про такую поездку, из которой ничего путного не получилось, хоть автор и проговаривает «счастливый конец». Но критик, к сожалению, шатенка, ей тоже «после пятидесяти», и она не разделяет оптимизма автора.

Женская литература сегодня презентует себя и как альтернатива патриархальному представлению, и как отстаивание этого самого патриархального представления о женщине – хранительнице семьи и дома. Раиса Осадчая из числа последних, защитников. «Скрипка на антресолях» – пьеса о любящей женщине, забросившей все свои увлечения, музыкальные занятия ради семьи, в итоге – потерявшей семью и вновь нашедшей себя с чужими детьми. Герои пьесы цитируют Библию, а в конце пьесы звучит «Аве Мария». Женская тема вырастает до пафосного предназначения быть матерью. Но автор почему-то обозначает жанр своего произведения как «пьеса с элементами сатиры». Вероятно, сатирой автор называет иллюзии главной героини по поводу семейного благополучия, или сатиричными для автора являются измена мужа и беременность незамужней дочери? Сатира – это высмеивание. Не думаю, что автор хотел высмеять главную героиню. Банальная жизненная ситуация – не сатирична и не комична. Банальность – это фарс жизни. Впрочем, конечная умиротворяющая сцена игры всех героев пьесы с маленькими детьми в птички под «Аве Мария» – это пафос. После прочтения пьесы остался у критика один вопрос: по ком «звучит Моцарт» (вероятно, его «Реквием») в ремарке автора? Если это наметившаяся тема болезни и смерти героини, то тут уже не сатира, а трагедия.

Юлии Пономаренко – всего 25 лет. Однако, у её лирической героини «Мелькают дни в задворках одиночества, / Где друга нет, и даже нет врага». Наверное, потому что автор живёт в провинции, где красивое выглядит обычным – «как зодчество, / Которым все любят в глуши». Героиня стихотворения «Пророчество» связывает одиночество с творчеством, которое избрала делом своей жизни. В конце концов, лирическая героиня восстаёт. Только бунт её не совсем понятен: «Диктую я другим свои пророчества. Но ты моим пророчествам не верь!». Обращение-концовка – к кому? Читателям? Другу? И творчество всё-таки – не совсем одиночество, а предполагает встречи, контакты, проникновенное знакомство с реальной жизнью. А может – в 25 лет героиня кого-то встретила, и тогда творчество с его одиночеством заканчивается. Действительно же, лирическая героиня Пономаренко обращается чаще всего к другу. Перед ним она играет («в игру загадок призрачных теней», в «игру безумства призрачных теней»), надевает маски (то «Клоуна», то «Археолога», то «Маяка», то простого цветка), бравитурит словами («Что вид не тот? / No problem, / Рамку – на!»), «танцует» мыслями («мои мысли танцуют канкан»). И сама при этом осознаёт, что её девичьи, женские «мысли, как мякоть...». Но называет себя поэтом, а не просто женщиной. Почему? Мне кажется, это женский, или провинциальный, синдром – так хочется вырваться в другую жизнь, как будто там кто-то защитит, поймёт, полюбит. А на самом деле – женская судьба везде одинакова. Даже если поэтесса называет её (судьбу) «декоративной резьбой», в которой все погрешности можно подкорректировать лаком, чтоб блестела («Судьба – декоративная резьба»).

Среди женской прозы есть и «студенческий» вариант темы любви, вернее, иллюзии любви. Строптивой героине-студентке из повести «Черный ворон. Иллюзия любви» Аси Михайловской приходится анализировать поэтический текст поэтов Серебряного века, в котором «...герой выходит на подмостки и ждёт, чтобы кто-то понял его игру и посочувствовал ему». И современная героиня даёт отповедь такому поэтическому образу: «Понятно, что лирический герой – полный эгоист и рефлектирующий субъект, ждущий понимания и безусловного принятия. Вообще-то, никто этому герою ничего не обязан. Раз уж ты вышел на подмостки – то держи марку, играй роль до конца и не ищи сочувствия или понимания».

В голове же критика возникает сомнение не просто в правильности такого анализа, но и в литературной компетенции героини. Ведь на подмостки выходил «Гамлет» Б. Пастернака, и не помнить этого филологу нельзя. Значит, просто героиня рассказа, амбициозная дама, этого не знает. Однако герой повести, преподаватель, в ответ на столь самоуверенный ответ-анализ студентки говорит о том, что у автора предложенного стихотворения было «трое детей... и это ещё не предел!». Но у Пастернака было двое детей (а не трое...), правда, был ещё один – не рождённый (в тюрьме у О. Ивинской случился выкидыш). По всей видимости, автору повести удалось втянуть критика в игру текста. И студентка, действительно, – «умница и красавица», а автор предложенных ей стихотворных строк – её «несчастный,

одиноким и невостребованным преподавателем. Как в КВНе – находчивый студент и преподаватель-неудачник. Какая повесть может получиться на основе КВНовского скетча? Иллюзия повести.

Иллюзия, мираж, прикосновение... ещё об одной постоянной теме сборника – теме творчества. Авторы занимаются сочинительством долгие годы, пытаются самоутвердиться, что явствует из их авторских резюме. Естественно они фиксируют в своих текстах и отношение к сочинительству. Руководитель представленного в сборнике литературного союза Олег Зайцев, например, осознаёт себя поэтом, он хочет поймать лирическое чувство, «гениальную строчку». Как это сделать? Может упорством, трудом, жизненным опытом? Лирический герой его поэзии заявляет, что возможно стать поэтом «с высоты годов». Он прислушивается к природе и к себе, и, к сожалению, понимает, что его поэтические фантазии «в углу / Забились, словно чьи-то птицы в клетке». В его стихотворениях и ритм хромает, и натурализм соседствует со словами о любви («Уже, заметно, поступь нелегка: / Пережила инфаркты, дисков грыжу. Сидеешь, но тобой держусь пока / Тебя я слышу, ощущаю, вижу»), низкое выступает в одном ряду с высоким («Я, как за магнитом, за чудом, заразой, / Плетусь за какой-нибудь русской косой»). Всё превращается в попытку стихотворчества. И, как говорит его же лирический герой, «мысли прут», и справиться с ними, и оформить их, нет сил, потому что сам понимает, что «мечты обмельчали, и мысли так мелки».

А вот другой организатор союза «Полоцкая ветвь» Александр Раткевич вообще исключает идейное, или смысловое, сочинительство из принципов поэтического творчества. Подборка его стихотворений определена как «Программы». Короткие стихотворения призваны стать тезисами творчества членов литературного союза. Именно союза, так как автор менторски, или риторически, обращается к читателю с проповедью своего отношения к творчеству. Во-первых (нумерация самого автора), автор провозглашает значимость рифмовки. Не рифмы, а рифмовки, так как речь идет не о творчестве как об интеллектуальном занятии, а о «сноровке», или о ремесле, при котором нужна, скорее, ловкость, а не мысль. Вот и получается у поэта косность речи – как «метафор ковкость». Во-вторых, автор «Программ» отодвигает смысло-творчество на второй (а может вообще – в чулан) план и ставит во главу угла «лонный, былинный гул», который должен воспроизводить поэт под «вислым взглядом созвездий-снов». Необходимость наркотического состояния пишущего провозглашается автором и в третьем тезисе, где говорится о «маке души», расцветающем у поэта. После такого полёта фантазии, естественно, приходит отрезвление, или натуральная ломка, когда поэт признаётся, что «писать стихи – нечистая работа», она сродни «стирать вонючее бельё астральных тел». Напомним, что лет десять назад А. Раткевич уже провозглашал свою литературную программу под названием «катарсизм», и, вероятно, теперешняя публикация имеет прямое продолжение её. Роль «очистителя» снова закрепляется за поэтом. Писателю предстоит очистить «астральные тела» от «еды» и «питья», да и самому очиститься от «перегара забытья» (ещё бы! Мак же расцвёл!).

Далее в «Программах» следует поэтический выпад в сторону критиков, потому что они «пересказывают» поэзию, «впихивают» её в «рамку», «сравнивают», «обвиняют»..., в общем – «не любят» поэзию. И за это «она их погубит». Испугавшись, я, критик, перестаю анализировать «Программы», хотя два вопроса поэту-ритору всё-таки задам (не удержусь): что такое «свежий верлибр» – его только что сорвали с грядки и привезли в магазин на продажу? И где искать «несвежие верлибры»?

Определения текстов сборника вообще вызывает много вопросов. С некоторыми из них искренне не соглашусь. Например, объявление стиля прозы Валерия Туловского как «бытописательской», а трехстиший Вадима Яра – как хокку. Туловский В. – замечательный новеллист, умеющий по-импрессионистски выписывать атмосферу, детали, нюансы отношений и состояний. Герои его новелл так вписаны в деревенский пейзаж, в удушливый жаркий воздух загорающей конюшни или в предгрозовую атмосферу, что заставляют читателя не просто сопереживать драматическим событиям похорон, семейным неурядицам, гибели лошадей, а «находиться» внутри текста. Импрессионисты довели реалистический стиль живописи до своего отрицания, соединив бытовой жанр, портрет, пейзаж в гармонию цвета и света. Так и автор новелл «Тюльпаны» и «Пожар» поднимается над бытовыми проблемами деревенского мальчика и хуторян. Автор заставляет читателя вдыхать «запахи черёмухи и сирени», наблюдать за пасущимся «вороним, с опаленными гривой и хвостом» и за тем, как ветер несёт «за собой лепестки яблоневого и грушевого цвета», а не размышлять о трудностях быта больного мальчика, оставшегося после смерти отца в деревне, и о потерях фермеров после пожара.

Вадим Салеев встал в ряд тех, кто так увлёкся экзотикой – восточными жанрами. Печатают не просто подборки, целые сборники. Называют их хокку. Но ведь это – форма другой культуры, ментальности, где философия, ритм, эстетика – другие. Аварэ, каруми, саби... – это другая стилистика, ничего выдуманного, пафосного, только видеть мир по-иному, как будто ты – песчинка, червяк, лепесток. Да, это – философия, но восточная. А у вас, Вадим Алексеевич (хоть вы и назвали Яром), получились трехстишия о «замирание сердца» и «отдохновение сердца» (вашего сердца), о ваших «воспоминаниях былых», «томленьях душевных». Какая ж тут песчинка! Вы «подмяли» под себя весь Минск, с его холмами

и историй. Вы даже оценили его, найдя в его «сельском» менталитете что-то «первородное». Как это по-западному!

Владимир Демидов пишет мудрые стихи. Его поэзия касается вечных тем жизни и смерти. «Сага» – название стихотворения о брате, с посвящением ему... Саги не посвящают, их записывают, они совершаются, они историчны, легендарны, мифологичны. Для автора же – жизнь его близких, друзей, своя биография – эпичны. «Будто вымерли все или вышли курить, / А вернулись – другими... Вот и клинопись сердца, что жило, любя, / Сагу, если хотите, / Посвящаю тебе... Обнимаю тебя / У порога Открытий». И заключительная метафора «Порог Открытий» прочитывается как другой мир, мир смерти. Тема смерти, или прощания постоянно звучит у поэта. А вместе с ней и тема памяти (стихотворение «Реле»), и тема болезни («Голуби и ангелы», «Когда в черемухе душа»). Поэзия Демидова наполнена нетрафаретными образами. «Два ангела, мрачно / Раскрашенных в белое» примиряют лирического героя с жизнью («Голуби и ангелы»). Сама жизнь предстает как «пауза без точек...», а рассуждения о разных способах проживания на земле, в том числе и об обыденном существовании, когда «в судьбе – троллейбус» каждый день, как разговор «над паузой» («Над паузой»). Сама смерть нередко сравнивается с жизнью, но и в ином мире и в другом наряде: «...на Луне / Ты выбрал место для жилья» («Когда черемуха в цвету»), «выброшен платочек» («Над паузой»), «Вот и мама, как красное солнышко, / Потеряла платочек и ленточку» («Мамино лето»).

Отдельного разговора заслуживает русская традиция (или традиция другой литературы) произведений сборника. Тексты сборника написаны на русском языке. Но главное – они и содержательно, и художественно ориентируются на традиции зарубежной литературы, даже если они адресованы теме родных белорусских мест. В сборнике представлены и писатели из России, коим, как говорится, сам бог велел следовать традициям своей литературы. Подборка Алексея Бандорина сразу начинается с темы России как тройки, которая несётся с «дикой прытью» по зимним просторам «завьюженными чумазами составами». Осознавая невыносимость такого напряжения, поэту так хочется в Париж, куда его манит «Жираф Парижа, Эйфелева Башня» (снова привет из Серебряного века русской поэзии). Русская душа тянется к прекрасному. Поэт пишет трехмерным анапестом, будто танцует под музыку:

«А вечер далёк был от прозы,
Он жадно тянулся к Поэме,
Где рифм благородная россыпь
Сверкает оттенками всеми.
Где музыки шаг шаловливый
Шопена влюблённого помнит,
Где множество женщин красивых
Выходят из множества комнат.
Где смысл уловить непросто,
Прозрачный, как солнечный зайчик,
Где жизнь, как удачливый мальчик,
Попала на Сказочный Остров».

Лирическому герою хочется нежности, и поэт пишет о любви к женщине с маленькой буквы, но не потому что она не хороша, а потому, что она обыкновенная. Она изменила, ушла; но ведь с ней было так хорошо. Что осталось? Какие чувства? – «Семь перебродов слёз», «долина Миражей», «перламутровая застёжка боли», «холодный стон», «игрушка сна»... Как бы ни называл свои чувства поэт, он – певец печали. О себе он пишет как о «клоуне, выделяющем сальто-мортале» и жаждущем её «аплодисментов». При этом лирический герой понимает, что его творчество – «Сизифов труд тоскующей мечты». Мечты о прекрасном.

А проза Николая Василевского, живущего в Беларуси, ориентируется на символику мировой классики. Стихи в прозе. Притчи. Перевернутая «Песня песней», так как посвящена Изиде, богине земной плотской любви. И описывает любовный акт в трёх действиях, каждое из которых имеет символическое название. «Навсегда» – от капельки масла до клятвы единения, от массажа, как прикосновения к телу, до диалога, как единения душ. «Сладкий шёпот» – о «самом безопасном месте» на земле на коленях женщины, мудрой женщины, красивой женщины, влюблённой, женщины-матери. Последняя притча «Ключ» повествует о пути к счастью, вернее, к счастливому мгновению за «заветной, тёмно-бордовой дверью». Второй цикл поэтической прозы Н. Василевского тоже о любви («Любовь и шахматы»), только про её социальные правила, гендерные роли. Они тоже стары как мир, вернее, как шахматы, придуманные в Древней Индии: «всё идёт как всегда – пешка признаётся в любви к офицеру, офицер любит коня за его необычность и оригинальность, конь обожает ладью...».

Свой вариант «Пиквика» или «Обломова» предлагает Леонид Пулькин: цикл рассказов про Ладомира Ивановича, в жизни которого живопись заменяется «коллажем», сигары – сигаретами, спорт – «мышечной радостью», чтение книг – их обнюхиванием и целованием, ритуал – «тишайшим удовольствием».

В сборнике почти нет гражданской лирики. Разве что поэтесса из Бобруйска? Да ещё подборка стихотворений Людмилы Яськовой и Василия Виноградова. Поэтическое «Кредо» В. Виноградова – «остаться не сволочью». Это вообще нормальная позиция каждого человека, поэтому не очень понятно, к кому обращается лирический герой, с восклицанием о том, что это – «Вами забытая неоднократно» истина! В том то и дело, что об этом повторяют много и многие, но ведь говорить одно, а быть... Поэт хочет говорить «плакатно». У него получается: телевизор – «скучен, скуп и не блещет фантазией», автор не видит «нужды в потреблении проблем, возрастов юных секссозревания», он «не брезговал книгочитания», считает, что без «рекламы-печати» «не бывать в жизни радости», а «голубой – цвет небесных дворцов, а не чьей-то там порванной задницы». При этом автор уверен, что читатели посчитают его ненормальным. Да нет же! Нормален, как миллионы, массы. И эти миллионы – не поэты, а «обыкновенные человеки». В аннотации сказано, что Василий исполняет свои песни под гитару. Значит, – это песенная поэзия. Тогда – это гитарные мантры-тексты. В них – коллективный лирический герой, вернее, антилирический – массовый.

В альманахе есть немало примеров массовой литературы. Например, стихи в подарок (как говорили древние – «Ксении» или «Безделушки»), или четверостишия-рифмовки в альбом. Владимир Шаронов называет свои стихотворные послания Г.М.М, Г.М.И и другим женщинам «Начало марта», «Валентинка», «Сиреневое платье», «Зимняя шутка», «Окончен бал»... За названиями угадываются праздники – женский день, день всех влюблённых, Новый год, день рождения или начало отпусков... А другой поэт Александр Супей рифмует банальные истины, как будто играет в буриме. И, как это бывает в игре, смысл оборачивается анти-смыслом, а весёлая игра превращается в «чёрный юмор» – впрочем, «роза без слов за меня / Всё расскажет тебе, увядая». В таких стихах не стоит искать недостатков, как пишет Павел Станевич: «Помолчи! / ... / И изъянов в стихах не ищи». Замолкаю.

Массовая культура, всеобщее высшее образование, глобализация... Не «Грядущий Хам», а идущий на встречу с читателями массовый лирический герой. Сад культуры превращается во «всемирную паутину», где «Полоцкая ветвь» не связана с живыми деревьями литературы, а представляет собой одну из разновидностей искусственных каналов связи.

Н.Б. Лысова, Полоцкий государственный университет

ПЕСНЯР – ГЭТА ПАЭТ І МУЗЫКАНТ...

Н.Б. Лысова

Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт, Беларусь

Пьеса «Песняр» была надрукавана ў альманаху «Тэксты» у 2014 годзе ў пятым нумары і пастаўлена восенню гэтага ж года ў Дзяржаўным рускім драматычным тэатры імя М. Горкага ў Мінску. Аўтар пьесы – культуролаг, рэжысёр, акцёр Васіль Дранько-Майсюк. Ён неаднойчы звяртаўся ўжо да матэрыяла нацыянальнай культуры ў сваіх тэатральных (да творчасці М. Лынькова, Ф. Алехновіча), сацыяльна-культурных (да беларускай мовы) праектах. Малады сучасны аўтар стварыў пьесу аб нацыянальным культурным герое, правобразам якога стаў Уладзімір Мулявін. Так, яго імя ў тэксце не гучыць, галоўны герой пьесы – Песняр, але гучаць вершы яго песень (спектакль дык наогул сатканы з музычнага рэпертуара мулявінскага ансамбля «Песняры»), а напрыканцы і пьесы, і спектакля ўзнікае запіс выканання асабіста Уладзімірам Мулявіным «Малітвы» на словы Янкі Купалы.

Большасць людзей мысляць беларускую нацыянальную культуру праз ідэю беларускамоўнай літаратуры, яе аўтараў, твораў, герояў, вобразаў. Гістарычна менавіта пісьменнікі ўзялі на сябе ролю нацыянальных духоўных лідэраў. І класічны вобраз песняра – гэта вобраз беларускамоўнага прамоўцы, прарока будучай нацыянальнай дзяржаўнасці і культуры, звязаны з тымі, хто напрыканцы XIX – напачатку XX стагоддзяў складаў новую сацыяльна-тэматычную, беларуска-моўную літаратуру – Купала, Колас, Багдановіч, Цётка. Менавіта яны становяцца галоўнымі, разам з Песняром-Мулявіным, героямі пьесы і спектакля. Аўтар пьесы стварае не манументальныя вобразы класічных паэтаў, а вобразы творчых людзей, якія ўжо «на тым свеце» працягваюць перажываць свае асабістыя гісторыі кахання і агульную любоў да Яе, свавольнай, знікаючай, нацыі.

Драматургія пабудавана вакол пытання, перш за ўсё, аб лёсе беларускай нацыянальнай літаратуры. І галоўнае пытанне пьесы: хто працягне купалаўска-коласаўскую традыцыю, каго абярэ сваім песняром